

«АРМЯНСКАЯ» ПРОЗА В. ГРОССМАНА, А. БИТОВА
И Ю. КАРАБЧИЕВСКОГО: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Г. И. КУБАТЬЯН

Армянская тема прочно утвердилась в русской литературе советского периода, в частности в прозе и публицистике (поэзия — предмет особого разговора, и мы не будем здесь ее касаться). Об Армении писали многие прозаики и очеркисты из России; их вещи, опубликованные в переводе на армянский язык, составили три внушительных тома¹. Это произведения разной проблематики, разных жанров и очень разных литературных достоинств. Среди них выделяются три небольшие книги, принадлежащие Василию Гроссману, Андрею Битову и Юрию Карабчиевскому. Дело не только в качестве текста, хотя это самое яркое из всего, что появилось по-русски на армянскую тему за полвека. Дело в том, что в путевых заметках Гроссмана и повестях Битова и Карабчиевского резко и отчетливо воплотилась значительная авторская личность; эти вещи куда шире армянской своей канвы — они принадлежат литературе, а не только литературе об Армении.

Писатели интересны нам постольку, поскольку не схожи между собой. О том, что разделяет Гроссмана, Битова и Карабчиевского, мы еще поговорим, но сперва скажем про то, что их в наших глазах объединяет.

Пункты, способные — хоть и не без натяжек — объединить различных авторов, относятся обычно не к внутренним, глубинным, а сугубо внешним характеристикам и обстоятельствам их творчества и судьбы. Но и этого немало. К примеру, все три произведения не причислишь сколько-нибудь убедительно к определенному жанру. Выше, следуя за авторами, мы назвали «Добро вам!» — путевыми заметками, а «Уроки Армении» и «Тоску по Армении» — повестями. Путевые заметки? Но ведь Гроссман отнюдь не из тех, кто добросовестно записит в тетрадь впечатления, которыми одарила его дорога. Из двух месяцев, проведенных им в Армении, он находился в пути всего пять-шесть дней: его свозили в Эчмиадзин, в Гехард, на Севан, в Дилижан, на крестьянскую свадьбу... Добавим к этому взгляд из окна вагона. Вот и весь путь. Гроссман приехал в новую страну не в ранге столичной знаменитости, а в ранге литературного черноработного — переводчика, и приехал он не знакомиться с достопримечательностями, а грудиться от зари до зари.

А Битов и Карабчиевский? Удобства ради мы считаем «Уроки» первого и «Тоску» второго повестями, однако это, разумеется, донельзя условно. Недаром, чувствуя, как уязвимы иной раз его жанровые позиции, Битов еще в 60-е годы провозгласил путешествия самостоятельным жанром и подкрепил теорию издательской практикой². Карабчиевский же не мудрствуя лукаво признался: «Для меня все, что не стихи, — то проза»³. Так оно и есть. Что собой представляет его книга «Воскресение Маяковского»? Серьезное исследование? Безусловно. Однако само письмо, его уровень, взгляд на героя и подход к нему мешают пос-

¹ Յոթ գիրքիցանոթի երկրորդ: Գիրք 1, Երևան, 1978: Գիրք 2, Երևան, 1981: Գիրք 3, Երևան, 1983:

² А. Битов. Три путешествия. — В кн.: Не считай шаги, путник! М., 1974; А. Битов. Семь путешествий. М., 1976.

³ «Литературная газета», 4 июля 1990 г.

ставить книгу в ряд литературоведческих сочинений. Это литература, а не ее «ведение», это проза.

Точно так же, если вспомнить, относился к проблеме жанра Осип Мандельштам, одна из вещей которого называлась «Четвертая проза» — это и заголовок, и порядковый номер, как через тридцать лет у Ф. Феллини «Восемь с половиной», и одновременно жанровый определитель, как почти полвека спустя у В. Аксенова «Поиски жанра».

Кстати, что бы ни выходило из-под пера Битова — рецензия ли, статья ли, литературоведческое ли исследование, — все, что бы он ни писал, будто само собой становится прозой, потому что характер текста и манера обращаться со словом в принципе неизменны.

И у Гроссмана «Добро вам!» — раньше всего высококлассная проза, а какого она жанра, эта проза, не суть важно.

Прозвнеся имя Мандельштама, тотчас же и заметим, что и оно объединяет трех писателей. Никто из них не может обойти его изумительных армянских стихов, а для Битова они, чувствуется, служат чем-то наподобие камертона. Почти демонстративно чуждаясь в «Уроках Армении» любого литературного разговора (не зря же здесь есть урок языка, урок истории, географии, а также, если вдуматься, архитектуры, и эстетики, и этики, а урока литературы нет), — так вот, чуждаясь корпоративности и цехового взгляда на мир, он словно помимо воли, словно нехотя раз за разом вспоминает строки Мандельштама.

Затравленный режимом наций изгой, Мандельштам с трудом воскресал в советском обществе, его литературно-социальный статус и после реабилитации оставался двусмысленным; много утекло книжно-журнальной воды, прежде чем в канун 100-летнего юбилея поэта его творчество мало-помалу начало занимать в официальной истории литературы место, которое ему подобает, — место великого поэта.

Литературно-социальный статус — еще один пункт, объединяющий трех авторов. Вернее, не сам статус, а разительная перемена, случившаяся с ним: в общественном мнении между теми, кто когда-то приезжал в Армению и писал о своем пребывании здесь, и теми, кого мы сегодня читаем или перечитываем, — дистанция огромного размера.

Василий Гроссман оказался в Ереване в ноябре 1961 года. За несколько месяцев до поездки, совпавшей с партсъездом, который постановил убрать из мавзолея тело генералиссимуса, ГБ арестовала роман Гроссмана «Жизнь и судьба», изъяла все его копии, копировальную бумагу, и ту прибрала к рукам. Имелось в виду вытравить всякий след крамольной рукописи. Письмо писателя к Хрущеву — «методы, которыми все происшедшее с моей книгой хотят оставить в тайне, не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так с ложью не борются. Так борются против правды», — это письмо осталось без ответа. Самого не посадили, и на том скажи спасибо — такова была логика. Писателя сторонились знакомые. Его перестали печатать. Ему, в сущности, не на что было жить: И он взялся перевести по подстрочнику роман Рачин Кочара «Дети большого дома». Гроссман, повторяясь, приехал в Ереван не знаменитым писателем, каковым он никогда не был, а скромным переводчиком, за которым к тому же тянулся шлейф невнятных, но пугающих слухов: органы, арест, обыск... Это сказывалось и на его армянском житье-бытье. «За 2 месяца жизни здесь ни один писатель не пришел ко мне, не позвонил, не позвал, а при случайных и неминуемых встречах на улице даже не спросил — здоров ли я, впервые ли в Армении...» (Из письма Семёну Липкину)⁵.

Сложной была и печатная судьба гроссмановской вещи. Писатель так и не увидел ее опубликованной. После всяческих перипетий «Добро вам!» появилось в журнале «Литературная Армения». Об истории этой публикации (первым ее изложил С. Липкин — к сожалению, чересчур неточно и с неоправданным пренебрежением к публикаторам) подробно рассказала Наталья Гончар⁶.

⁴ «Литературная газета», 2 марта 1988 г.

⁵ С. Липкин. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. А. Берсер. Прощание. М., 1990, с. 92.

⁶ «Литературная Армения», 1989, № 2.

Сегодня, после того как напечатаны «Жизнь и судьба» и повесть «Все течет», некогда опальный Василий Гроссман — в числе крупнейших русских прозаиков советского периода, его книги — предмет многочисленных статей, дискуссий, исследований.

Решительные перемены произошли также с именем и творчеством Юрия Карабчиевского. Впервые он побывал в Армении пятнадцатью годами позже Гроссмана; рабочего-наладчика, его послали сюда в командировку. О том, что наладчик пишет в разных жанрах и вдобавок печатается, известно было только друзьям, потому что печатался Карабчиевский исключительно на Западе; если кто и замечал его успехи на поприще отечественной словесности, так это компетентные органы. Впрочем, тут судьба Карабчиевского миловала: дальше душе-спасительных бесед дело не шло. В 1979 году его стихи появились в альманахе «Метрополь», списавшем благодаря стараниям писательского руководства одиозную славу. Книга «Воскресение Маяковского», захватывавшая не столько смелостью, с какой ниспровергаются устои, сколько неслышанной концепцией, выстроенной на неотразимом анализе, — эта книга принесла Карабчиевскому эмигрантскую премию имени В. И. Даля.

Широкому читателю творчество Карабчиевского открыл ереванский журнал⁷, напечатавший «Тоску по Армении» в пору, когда это требовало от редактора мужества и настойчивости.

«Армянская» книга прорвала запертую, отделявшую писателя от легальной литературной жизни. В самых престижных столичных журналах появились его проза, эссе, публицистика, стихи. «Воскресение Маяковского», напечатанное сперва в журнале «Театр» (1989, № № 7—10), издано отдельной книгой⁸. Книгой же, наряду с романом «Жизнь Александра Фарбера», вышла и «Тоска по Армении»⁹. Безвестный наладчик, начавший по приезде из Еревана новую вещь, за год-два стал авторитетным писателем с безупречной, как сказал один критик, репутацией.

Литературная биография Андрея Битова не претерпела таких метаморфоз. Она складывалась вполне благополучно: рано начал печататься, издавал много книг, а что после «Метрополя» отошел в густую тень, что роман «Пушкинский дом» увидел свет там, а здесь издан через полтора десятка лет после завершения, так это против «Окающих дней» Бугина и замятинских «Мы», «Котлована» Платонова и булгаковского «Мастера и Маргариты» не такой уж и срок... И все же между тридцатилетним прозаиком, оправдавшим первые надежды, но с призрачной, как у всякого молодого человека, перспективой — это Битов 67-го года, — и признанным мастером, метром, председателем русского ПЕН-клуба, писателем, что называется, первого ряда — таков Битов теперь, — разница между ними неизмерима.

Когда писатель берется рассказать о новых для него краях, это чревато опасностью, которую далеко не каждому удастся одолеть. Тебе нравится в гостях, и ты порой незаметно для себя, а порой и с радостью подлаживаешься под хозяев, тебе хочется отблагодарить их, сказать о них только хорошее, только приятное, тем паче хорошего и приятного хоть отбавляй.

И Гроссману, и Битову, и Карабчиевскому Армения пришлась по душе, это несомненно; тем не менее их прозу отличает сугубая трезвость, а подчас и жесткость взгляда. У них множество страниц, передающих благодающую полноту чувств, но любой из троих может не колеблясь — «Правильно ли меня поймут в Армении?» — погладить хозяев против шерсти.

И, кстати, именно прямота выбивает из-под ног читателя-армянина почву для обиды. Мы чувствуем, что с нами не лукавят, и это избавляет нас от подозрительности. А уж соглашаться или не соглашаться с той или иной оценкой, либо выводом, либо брошенной вскользь фразой — это неотъемлемое право читателя, на которое наши авторы ни в коем случае не посягают. Можно, к примеру, наперекор Битову высоко ценить архитектурные достоинства Матенадарана, наперекор Карабчиевскому вполне серьезно говорить о памятнике Тама-

⁷ «Литературная Армения», 1988, № 7, 8. Предисловие В. Каверина.

⁸ Издательство «Советский писатель», М., 1990.

⁹ Ю. Карабчиевский. Тоска по дому. М., 1991.

яни, наперекор Гроссману ни при каких обстоятельствах не видеть в армянах «народ не христианский, а языческий», а в нашем первосвященнике только еврейски образованного филолога и светского человека.

Здесь стоит предоставить слово ближайшему другу Гроссмана Семену Липкину: «И тоже имел честь быть представленным католикоосу, когда мы вместе с Инной Лисянской приехали весной 1972 года в Эчмиадзин. В один день с нами католикоос принял известную актрису из Латинской Америки Лолиту Торрес. С ней католикоос говорил по-испански, со мной — по-немецки. Он сказал, что мы хошо поступили, приехав в Армению в печальную годовщину геноципа 1915 года. Он обворожил нас своей приветливостью, его прекрасные глаза лучились умом и добротой. В отличие от Гроссмана, я увидет в нем человека, глубоко и простодушно верующего...»¹⁰.

Отрицая или опровергая в уме какую-либо конкретную мысль или оценку писателей, будем помнить, что нелицеприятная мащера лишней раз подтверждает, сколь серьезно относятся они к Армении. Праздный турист не станет обременять себя, углубляясь в негативные стороны чужого бытия; то ли дело похода улыбнуться, восхититься, похвалить...

Гроссман, Битов, Карабчиевский почти не смотрят на Армению глазами стороннего наблюдателя. Тому есть причина, опять-таки объединяющая три эти произведения и одновременно отъединяющая их от большинства армянских вещей других русских писателей. Причина эта, может статься, парадоксальна, и тем не менее... Вот она: Битов, Гроссман, Карабчиевский пишут не об Армении, тема их писаний далека от традиционного ознакомительного «очерка о...».

Так о чем же тогда они пишут? Или спросим по-иному: если они пишут не об Армении, то зачем она им пужна?

Попробуем разобраться.

«Нет ничего более поучительного и радостного, чем погружение себя в общество людей совершенно иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься...»¹¹.

Это Мандельштам.

В его словах два взаимосвязанных ударных понятия — поучительно и погружение. Чтобы чужая доселе страна научила тебя чемуто, в ее жизнь надо не окунуться, пусть даже с головой, а именно погрузиться. А вот чему учиг человека такая страна, как Армения, зависит не столько от нее, сколько от самого человека. Во всяком случае каждый черпает из общения с ней свое, строго индивидуальное. Мандальштам, к примеру, сопоставил историческую судьбу Армении со своей собственной судьбой, и горькое отщепенство перестало давить на него с удушливой, доводящей (и доведшей) до немоты мощью. Оказалось, что книга, по которой учились первые люди — так Мандельштам окрестил Армению, — отнюдь не исчерпана и донныне способна учить.

Что-то подобное ощутил, должно быть, и Гроссман. Надломленный небывалой трегедией, которую уготовили ему органы ГБ вкупе с бдительным литначальством, смертельно усталый и смертельно, как вскоре выяснилось, больной, он испытал в Армении прилив и сил, и вдохновения. «Добро вам!» он начал, едва окончив страшно трудоемкую работу над переводом огромного романа, — тотчас же, без передышки. Мало того, в недолгие месяцы, еще отпущенные ему болезнью, успел дописать повесть «Все течет».

Сказав, что Гроссман, Битов и Карабчиевский пишут не об Армении, мы не имели в виду, что они не пишут об Армении. Еще как пишут. Не у Гроссмана, к примеру, описательный период никогда не самоценен; это не вещь в себе, а верно обобщающего разговора, который непременно, раньше или позже воследует, это подступ к общезначимому философскому выводу, касаемому равно и армянина и русского, потому что книга Гроссмана всякий раз по-новому утверждает великую евангельскую истину: несть ни иудея, ни эллина, есть человек.

Так, внешность армян словно сама собой подводит писателя к абзацу, на-

¹⁰ С. Липкин. Жизнь и судьба Василия Гроссмана..., с. 83—84.

¹¹ О. Мандельштам. Сочинения в 2-х томах. Том 2, М., 1990, с. 104.

поминающему скорее стихи: «Чем длиннее история народа, чем больше в ней войн, пленений, вторжений, скитаний, тем больше разнообразие лиц... Это разнообразие лиц есть отражение вековых и тысячелетних поченок победителей в домах побежденных. Это рассказ о безумствах женских сердец, переставших биться тысячу лет назад, рассказ о страсти разгоряченных победой пьяных солдат, о чудной важности иноземного Ромео к армянской Джульетте»; заговорив о богатстве характеров, встреченных им в Армении, Гроссман переходит к сути национального характера и увенчивает свои размышления выводом: «Национальная свобода может торжествовать лишь в одной форме — в торжестве человеческой свободы. Это путь и малых народов, и народов великих по государственной силе, по численности своей»; начав с поразивших его камней Армении, Гроссман кончает мыслями об «огромном, тяжелом и умном» труде, которого требует от армянина камень: «маленький народ стал казаться мне народом-великаном», и о том, что «наступление — это стратегия человеческой культуры»; Гехард вызывает сначала раздумья о совершенстве армянских храмов, а далее о совершенстве как философской категории.

И так все время. «От... житейской истории я вдруг перешел к мыслям о предметах общих». Да нет, совсем не вдруг. В том-то и дело, что в армянине — старике ли беженце, пекущей ли лаваш крестьянке, в отце ли пяти непутевых сыновей, в католикосе ли, — в армянах и Армении писатель видит каплю, отражающую океан, через Армению он хочет и, главное, умеет сказать о мире.

Недаром частные его наблюдения сплетаются к финалу в широкую панораму, далеко выходящую за рамки «армянских записок», мысли, высказанные вроде бы по случаю, оказываются ответвлениями могучей идеи о благе человека, а разрозненные ноты доброты и благородства готовят негромкий, но такой слышимый, такой внятныи, такой пропительный аккорд: «Барев дзес — добро вам, армяне и не армяне». Даже восклицательного знака не поставил автор, потому что не кричит, не надрывает связки, — его голос тих и спокоен.

Прочитав с тридцатилетним опозданием грандиозный роман Гроссмана, можно уверенно сказать, что две написанные одна за другой его вещи — «Жизнь и судьба» и «Добро вам!» — не так уж несопоставимы; две эти вещи суть два полюса творчества Гроссмана: первая — вершина его эпики, воплощенная эпическая стихия, вторая же — вершина его лирики.

Чувствуя, должно быть, что его то и дело заносит в горные выси поэзии, Гроссман постоянно снижает собственный образ, подтрунивает над собой, подробно говорит о таких тяготах плоти, о которых говорит вслух не принято, и благодаря этому горные сферы его прозы нигде не оторваны от грешной земли; чаши весов временами колеблются, но в итоге равновесие непременно сохраняется, а лирическая стихия, получив в конце концов волю, не застит автору глаза; даже увлажненные внезапными слезами, они не утрачивают цепкого и объемного взгляда.

Не все впечатления Гроссмана уместились в книге. В его письмах к Семену Ляпкину видишь и предварительные наброски к будущей прозе, и этюды, далее не развитые и не прорисованные. Они несут в себе ток прямой речи, тембр и тепло живого голоса.

«Дорогой Сема, вот я приехал в Армению. Мне кажется, что именно ты с особой силой ощутил бы то, что составляет душу этой совершенно удивительной страны, это соединенье невероятной суровости каменной земли, синего базальта, тысячелетних храмов, дивной древности и сегодняшней жизни. Знаешь, я все думаю, что ты удивительно глубоко ощутил бы Армению — с ее библейским совершенно прошлым, с ее библейским пейзажем и с ее живой сегодняшней южной, смуглой, трудной, шумной жизнью... (4. XI. 1961).

...Семушка, милый, как тут красиво, по белому снегу ходят бесчисленные овцы, туман молочный, синее небо, сахарные горы, и Араратице из облаков выходит, сияет своей белой головой... (26. XI. 1961).

... А потом я поехал уже из Еревана, вчера, в деревню Сасун, на склоне Арагаца: сестра Кочара, старуха, женила сына-шофера. Эта поездка, конечно, самое сильное мое армянское впечатление. И знаешь, дело даже не в замечательном, поэтичном, грубом, сложном и многоступенчатом свадебном обряде и не в красивых старинных песнях, которыми славится Сасун, деревня, связанная

с Давидом Сасунским. Дело, Сема, в чуждых людях, деревенских армянских стариках, в армянских мужиках— чуждых людях. На свадьбе было 200 человек, и я наслушался челевечных, добрых речей— впервые в жизни. Десятки людей в своих речах, обращаясь ко мне, перед толпой мужиков, баб, говорили горячо, страстно, со слезами. А говорили пастухи, шоферы, землекопы, каменщики сельские. В этот день я особенно сильно жалел, что тебя не было в деревне,—я все думал, что ты бы стоял тут и плакал, и написал бы стихи, читая которые, люди бы тоже плакали.

И все это среди суровых груд камней, на фоне синего неба и сияющей вершины Арарата, того самого, на который смотрели люди, писавшие Библию. Ох, Сема, сильно это берет за душу... А увидимся, я тебе расскажу все это подробно, а может быть, ты и сам увидишь все своими глазами, стоит, надо...»¹² (25. XII. 1964).

«Подробно» Гроссман рассказал об этом— и о деревенской свадьбе, и о других впечатлениях— в «Добро вам!»...

«Уроки Армении» Андрея Битова схожи с мозаикой: из множества глав и главков, на которые раздроблена вещь, которые достаточно самостоятельны и обособлены и от которых поначалу рябит в глазах,— из множества этих разрозненных главков складывается к концу законченная картина; так из осколков стекла, из многоцветных камушков, из кусочков металла или дерева возникает цельный орнамент. Отдельные штрихи, наброски, зарисовки (частенько в форме автономной повеллы)— все они поддерживают друг друга, подпирают, проясняют. Проза Битова фрагментарна, однако ее фрагментарность хорошо выверена.

Из трех авторов Битов больше других пишет именно об Армении. Его наблюдения систематизированы: это наблюдения над армянским алфавитом, языком, пейзажем и т. д. И все-таки, если приглядеться, Армения у Битова выступает в качестве конкретного примера весьма абстрактной идеи— примера благодарного и благодатного, к которому автор проникся искренней любовью. А идея, иллюстрируемая Арменией,— это идея страны. Страны вообще. Реальная же страна, более прочих его занимающая,— Россия. Не Армения, а Россия.

Писатель задается вопросом: что делает страну страдой? И выстраивает конструкцию, которую можно выстраивать не раз и не два. Страну делают не похожей на другие язык, история, среда обитания, отношение к семье и отношения в семье, культура, религия. Битов моделирует страну на примере Армении, и пример этот обретает под его пером плоть, кровь, живое тепло, обаяние. Однако же такую конструкцию должно создать, продумать и, если угодно, выстрадать за годя, а уж потом применить, проверить: срабатывает? не рухнет? Битовская конструкция в его, битовском, случае выдержала проверку. Ее, безусловно, можно пустить в дело снова, но это задача не для писателя, а для этнографа. Писатель же Битов создал не исследование, но художественное произведение, а повторять единжды сделанное— задача копииста. Потому позднейшие битовские «путешествия», посвященные Грузии и Средней Азии— «Выбор натуры» и «Аварт»,— и в малой степени не напоминают «Уроков Армении». Это другие книги, написанные о другом и по-другому.

Битов назвал свою вещь емко и неоднородно. Уроки? Разумеется. Армения преподавала молодому своему гостю ряд уроков, которые он еще загодя вознамерился взять. Он узнал несколько десятков армянских слов и остроумно истолковал их значения и звучание, он наглядно— посредством атласа и въяве, так сказать, живьем — познакомился с географией Армении, физической и исторической, и, наконец, он открыл для себя армянскую трагедию на самой болевой и кровавой ее странице.

Помимо прямого, подкрепленного отглавлением, название битовской вещи имеет и второй, менее очевидный смысл. Не одни лишь уроки, легко укладываемые в программу средней школы,— автор извлек из путешествия еще и философского свойства взгляд на родину, Россию.

Да, название битовской вещи многомерно, но и многомерного названия писателю мало. Ему нужен вдобавок подзаголовок. Точный и выразительный подзаголовок он искал долго. И нашел не сразу.

¹² С. Липкини. Жизнь и судьба Василия Гроссмана... С. 81, 87, 90, 91.

Первую журнальную публикацию Битов озаглавил так: «Уроки Армении. Сентиментальное путешествие». То есть от Лоренса Стерна через Виктора Шкловского к нашим дням. Как сказано у поэта Леонида Григорьяна: «Септициентальность — властелин, презренший времена и моды». К тому же армянская проза Битова и впрямь исполнена чувства, пропущена через сердце.

Автор, однако, подзаголовком не удовлетворен. Снимает его в очередном издании. Но без подзаголовка названию как-то сиротливо. И Битов придумывает новый — «Путешествие в небольшую страну». Это уже весомей. Есть страны большие, великие, а есть и наоборот, и разница между ними, скажем так, характеристична. Порядки и нравы небольших стран обычно роднят их между собой и отличают от больших.

Но автору и этого недостаточно. Появляется очередной вариант — «Путешествие сентиментального русского». Как говорят дети, тепло, очень тепло! Кто путешествуют по Армении? Да русский же! Он воспринимает ее иначе, нежели армянин, иначе, нежели пемец или американец. Конечно, этот русский — Андрей Битов, но общее здесь важнее частного. «Так вот же о чем я непрерывно, мучительно думал с первого шага своего по Армении! Именно об этом! Вот что так тревожило меня. Есть страна Армения — я брожу по пей, вот она. В пей живут армяне. Вот они. Армяне — это армяне. Армяне — есть. А я кто? Русский? Ну да. Никогда об этом не задумывался... Меня мучило сравнение, вот что».

О чем бы ни заговаривал Битов в «Уроках», он сознательно или неосознанно сопоставляет увиденное и услышанное со своим, родным, русским. Здесь так, а как у нас? «Никогда об этом не задумывался». И опять: «Никогда не задумывался над этим, только в Ереване». Неважно, в связи с чем произнесена фраза. Повод забывается, смысл остается. Битов многое увидел здесь, в Армении, — увидел свое через чужое. «Только улавливая, что же не принято в той или иной семье, среде, стране... начинаешь понимать, что же принято в твоей семье, стране, среде». Надо было приехать за тридевять земель, чтобы постичь то, что под боком! Здесь нет иронии, в самом деле надо было.

И вот наконец Битов находит совершенно точный подзаголовок — «Путешествие из России». Уроки Армении, преподаваемые приезжему из России. Не все равно, откуда ты приехал. Страна обитания определяет, предопределяет твое восприятие быта и твое мировосприятие. Битов написал не о чужой родине, а о своей, которую он с помощью нашей родины понял, как никогда прежде не понимал. Но ведь и мы с его помощью кое-что в себе поняли, чего прежде не понимали.

Написав «Уроки», Битов не смог уже оторваться от Армении. Он много раз приезжал сюда, с армянской темой связала одна из крупных его работ — киноповесть «Ибо я называюсь лев...» (об Иосифе Орбели)¹⁶ и «Постскриптум через пятнадцать лет» (о Гранте Матевосяне)¹⁷; в июне 1993 года «Останкино» показало документально-публицистический фильм по сценарию Битова, в котором сам писатель как бы накладывает «Уроки Армении» на ситуацию, сложившуюся в нашей стране сегодня, и проверяет истинность сделанных четверть века назад выводов.

В одном из своих интервью на реплику журналиста: «Уроки нынешней Армении трагичны», — Битов ответил: «Я ждал именно этого, предчувствовал, когда ездил по стране (Советскому Союзу.— Г. К.), по Армении в том числе, записывал свои путешествия, но выводы делал только художественные, пытался людям объяснить, показать. Наверное, надо было кричать, стучать, писать проекты. Но, воспитанный своим временем, я был уверен, что они не дойдут. Армения и Грузия при любых условиях всегда были нашими друзьями, и потеря их, она не столько имперская, сколько русская, т. е. утрата какой-то части нашего русского менталитета. И у меня болит в моем частном, личном пространстве, для меня это потеря невозполнимая»¹⁸.

Вот как отзывается об «Уроках» Битова Юрий Карабчиевский: «Эта книга

¹⁶ В кн.: А. Битов. Человек в пейзаже. М., 1988.

¹⁷ В кн.: А. Битов. Статьи из романа. М., 1986.

¹⁸ «Книжное обозрение», 27 апреля 1990 г.

об Армении — замечательная вещь»¹⁶. Тем интереснее, что в армянских своих повестях Карабчиевский с Битовым почти не соприкасаются, потому как говорит о разном. Возьмем национальный вопрос, едва ли не важнейший и в «Уроках», и в «Тоске». Битова в этом вопросе занимает грань, так сказать, сопоставительная: вот страна Армения, а вот страна Россия. Карабчиевскому же вопрос предстает другой гранью, индивидуальной, личной, анкетной. Битов в Ереване чуть ли не впервые осознал, что он — русский («русский-русский»). Карабчиевскому слишком хорошо внушили, что он еврей. Однако же русский писатель Василий Гроссман, никогда от еврейства не отрекавшийся и непозволительно много по своим временам о его судьбах размышлявший, тем не менее не раздвигался и не рефлексировал. У Карабчиевского новая ситуация. Еврейский вопрос стал обретать угрожающую актуальность. То, о чем Карабчиевский мучительно раздумывал в 70-е, к концу 80-х вырвалось на поверхность в литературной печати — появилось понятие русскоязычный писатель, т. е. не русский по крови, но пишущий по-русски.

Вспомним в этой связи любопытный эпизод из воспоминаний биолога Б. Кузина (другой эпизод приводится в «Тоске по Армении»). Сергей Клычков, спорив о чем-то с Мандельштамом, сказал ему: «А все-таки, Осип Эмильевич, мозги у вас еврейские». Мандельштам отпаривал: «Ну что ж, возможно. А стихи у меня русские». И русский-русский писатель Клычков с полной искренностью признал: «Это верно. Вот это верно!»¹⁷.

И вся проблема.

Замечательные страницы посвятил Карабчиевский армяно-еврейскому родству; здесь он идет вслед Гроссману и вослед Мандельштаму, названному в «Четвертой прозе» армянскую землю младшей сестрой земли иудейской, но идет много дальше. Он развивает общую эту посылку, толкует ее аримо и глубоко. Как и Гроссман, он оттягивает разговор, переносит его в самый конец; может быть оттого оба финала — у Гроссмана и у Карабчиевского — и звучат столь сильно, всеобъемлюще и одновременно столь лично, до слез проникновенно, что подготовлены всем предыдущим текстом.

Чем Карабчиевский резко отличается от предшественников, так это откровенностью отношения к царящим в стране порядкам. Тот же Гроссман, еще в 50-х, до Солженицына, сказавший столько немислмого и о социализме, и о Сталине, а позже и о Ленине, не ставил точек над *i*, уступал это право читателю, полагая, что факты — лучшие аргументы. Для Карабчиевского тут не о чем говорить, незачем аргументировать. Как он относится к партии, к державному фарисейству, к знаменитому советскому интернационализму, понятно с полуслова; для этого и слов не надо, довольно самого воздуха прозы, на какую способен только свободный человек. То, о чем наша пресса с оглядками и записками стала позволять себе не ранее 89-го, Карабчиевский вскользь помпал как нечто само собой разумеющееся в середине и конце 70-х. Перед нами писатель, политизированный поневоле. Он не занимается политикой, но в стране, где свободная мысль заведомо крамольная, в советской стране его писания были непригодны по причинам именно политическим.

«Тоска по Армении» не только самая политизированная, но и самая литературная из трех интересующих нас вещей. Помимо Битова, Карабчиевский много говорит о Мандельштаме, еще больше — о Гранте Матевосяне, сверх того — о Сарояне, а вдобавок помянута масса имен от Набокова до Флобера. Удивительно, что литературные эти разговоры не делают его книгу внутрিলитературной. Она живая, живущая по-своему, в точном соответствии с внутренним сюжетом, и в этом смысле она и впрямь повесть, т. е. произведение придуманное, сочиненное, отразившее реальность не бесхитростно — «как было», — а очень даже хитро.

Карабчиевский пошел на чрезвычайно смелый, по всем законам ремесла провальный ход. В круг персонажей с вымышленными именами, персонажей, которыми автор волен распоряжаться, как ему заблагорассудится, введен писа-

¹⁶ Ю. Карабчиевский. Тоска по дому. М., 1991, с. 189.

¹⁷ Б. Кузин. Об О. Э. Мандельштаме. — «Вопросы истории естествознания и техники», № 3, 1937, с. 142—143.

тель Грант Матевосян— со своими книгами, судьбой, семьей, со своими словами и мыслями и со своим именем. Притом Грант не проходной, а центральный персонаж, именно диалог с ним ставит все или почти все на свои места, именно в этом диалоге проясняется главное в книге— тоска по Армении, тоска по России, тоска по литературе, словом, тоска по настоящему, по отсутствующему, но долженствующему быть. Не знаю, отчего странный этот ход не превратил «художественную», т. е. сочиненную, прозу в прозу «документальную», т. е. непридуманную, будь она трижды художественно исполнена. Но факт есть факт.

Кстати, Битов не случайно не раскрывает самоочевидных вообще-то имен: «мой друг» в «Уроках»— это тот же Грант Матевосян, а «старец»— Мартирос Сарьян. Отсутствие конкретного имени переводит разговор в широкую плоскость, приподымает его над единичностью, если угодно, мифологизирует действительность.*

Как и для Битова, Армения не стала для Юрия Карабчиевского только, скажем так, литературным эпизодом. Тема сегодняшней Армении неоднократно возникала в его публицистике: в эссе «Возвращение смысла», в большом интервью «Литературной газете» и, наконец, в замечательной, глубокой и пронзительной статье «Виза в Армению», опубликованной в Израиле, а затем перепечатанной в Ереване и Москве.

В заключение отметим еще одно обстоятельство, объединяющее трех писателей. Их армянская проза продиктована первым впечатлением. Оно, может статься, не всегда самое глубокое, но всегда—самое яркое и самое сильное. Что до глубины, то ее нашим авторам воистину не занимать. Нет нужды говорить о любви с первого взгляда. Гроссман, Битов и Карабчиевский полюбили Армению и написали о ней проникновенно и с тем проникновением в суть, какое мало кому доступно и обеспечивает их книгам долгую жизнь в литературе.

Գ. Ի. ԿՈՒՐԱՏՅԱՆ— Վ. Գրոսմանի, Ա. Բիտովի և Յու. Կարաբչիևսկու «հայկական արձակը». համադրական վերլուծություն.— Հոդվածում վերլուծվում են երեք ուս արձակագիրների ստեղծագործությունները՝ գրված հայկական նյութի հիման վրա՝ Վասիլի Գրոսմանի «Բարին ընդ ձեզ», Ա. Բիտովի «Հայաստանի դասերը» և Յու. Կարաբչիևսկու «Կարոտ առ Հայաստան»: Հեղինակը համադրում է այդ գրքերը, ցույց է տալիս նրանց մինչև եղած տիպարանական նմանության տարրերը: Սակայն հիմնական ուշադրությունը հատկացվում է անհատական գծերին, որոնք բնորոշ են յուրաքանչյուր գրողի գրական ոճին և որոնք մարմնավորվել են նրանց՝ Հայաստանի մասին գրած ստեղծագործություններում:

* В этой связи приведем один факт. Рассказывая о своей поездке в Эчмиадзин, А. Битов пишет: «А нас уже и на свадьбу пригласили, и еще к одному знакомому брата друга в гости, и еще к одному знакомому знакомого, и еще к одному незнакомому» («Уроки Армении», Ереван, 1978, с. 34). На первый взгляд, перед нами игра слов, между тем сказанное имеет реальную подоплеку. В тот день А. Битова и сопровождающего его «брата друга»— младшего брата Гранта Матевосяна, Грачья Матевосяна, я пригласил в дом своего старшего брата— Гранта Мирзояна, которого, кстати, тогда не было в городе. Оставляя в стороне подробности впечатлений гостя, отметим лишь, как велико было его удивление, когда он узнал, что я пригласил гостей в отсутствие хозяина (Примеч. Грачья Мирзояна, редактора).